

Глава 1. ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РЕШЕНИЕ

[***Ужасы антиеврейского геноцида и лагерей смерти для евреев - гитлеровского "окончательного решения" - невозможно описать никакими словами. Рассказ, который я изложил в этой главе, основан на свидетельствах тех, кто пережил это, и является попыткой раскрыть лишь некоторые из бесчисленных мучений, которые довелось пережить миллионам жертв - как еврейского, так и нееврейского происхождения. Для получения большей информации ознакомьтесь с библиографическим приложением к главе 1 ***].

Вас скоро куда-то увезут. Вы окружены солдатами, и поезд уже готов к отправлению. Вы стоите вместе со всей вашей семьей, понятия не имея - что будет дальше. Вас загнали в железнодорожный вагон для перевозки скота, переполненный десятками людей - взрослых и детей. Куда они забирают нас?

Неожиданно двери вагона плотно закрываются. Внутри нет света. Нет пищи. Нет воды. Очень душно. Вы стоите все вместе в темноте, как стадо коров. И колеса поезда все стучат и стучат, час за часом, час за часом. Четыре бесконечных дня и четыре бесконечные ночи... Ваша младшая сестра, зажата другими людьми, стоит перед вами, крепко прижимая к себе своего маленького сынишку, которого она держит на руках. Через три дня ее дыхание превращается в хрипы удушья. Скоро она умрет.

Ваши дети стонут. Ваша жена в невменяемом состоянии. Голод, жажда, жгучее чувство ярости и гнева. Когда кончится этот ночной кошмар? Но это только начало. Вскоре вас привозят к месту назначения: нацистский лагерь смерти. Единственный способ выйти оттуда - это смерть. Жить здесь - хуже, чем умереть. Но как такое может быть? Всего лишь полгода назад жизнь была вполне нормальной...

Дверь вагона открывается. Солдаты грубо выкрикивают команды. Они орут на вас, пинают и бьют прикладами. Закоченевшее тело вашей сестры падает на землю. Хотя ребенок еще жив! Но не надолго. Офицер поднимает маленького мальчика... и с размаху бьет его об стену.

Затем образуются две шеренги, и каждый должен встать в одну из них. Ребенок зовет свою немощную бабушку. Муж пытается занять место рядом со своей ошеломленной и уже ничего не понимающей женой. Ваши взгляды озлоблены. Сердца стучат. Но вы ничего не можете сделать.

Здоровые сгоняются в шеренгу справа. Вы оказались среди сильных. Но взгляните еще раз на вашу семью, которая стоит слева. Запомните глаза вашего престарелого отца. Не забывайте улыбки вашего трехлетнего сынишки. Вы больше никогда их не увидите. Все они вскоре будут убиты выстрелами в затылок, и их мертвые (или еще живые) тела сожгут. Людей убивали толпами и сжигали в огромных рвах!

Но вы не можете знать всего этого сейчас. С теми, кто стоит слева, это произойдет через минуту. Для вас же, оставшихся в живых, мучительные испытания еще только начались. Добро пожаловать в Аушвиц, мой друг.

Повсюду вы видите таблички: Arbeit Macht Frei, - "Работа делает вас свободными". Что это может означать? Но сейчас у вас нет времени думать. Прежде чем вы узнаете это, вас загонят в неотапливаемую комнату с другими заключенными одного с вами пола. И вы все должны раздеться. На просьбу: "Пожалуйста, дайте нам что-нибудь попить" - следует ответ: "Завтра!"

Затем происходит ваше преобразование. У вас больше нет имени, у вас остается только номер. У вас сбривают волосы - все, без остатка! Вы получаете новый опознавательный знак: татуировку с номером на руке. Вам вручают вашу новую одежду: плохо сидящие на вас вещи различных размеров и цветов. Хотел бы я знать, кто были эти несчастные, которые носили это раньше? Кто бы они ни были, их нет больше. Им никогда больше не понадобится их одежда.

Вы не в состоянии думать. Вам хочется проснуться. Избавиться от этого кошмара. То, что происходит сейчас с вами, случилось уже с миллионами других, таких же, как вы. Это антиеврейский геноцид. Думали ли вы когда-нибудь, что такое может случиться? Можете ли вы поверить в то, что это происходит сейчас? Я замерзаю. Я умираю от жажды. Я весь покрыт ранами. Так не может быть...

Но это теперь ваш дом, и здесь вы проведете зиму. Разве здесь можно даже выжить? Что все это значит? Позвольте другому заключенному объяснить вам это подробнее:

"Это значит, что в течение этих месяцев - с октября по апрель - семьдесят процентов (семь человек из каждого десятка) из нас умрут. Те, кто выживут, будут страдать каждый день и каждую минуту: с утра, которое начинается еще до рассвета, и до ночной раздачи похлебки наши мышцы будут в постоянном напряжении. Мы будем переминаться с ноги на ногу и постоянно хлопать себя руками по плечам, борясь с холодом. Мы будем отдавать хлеб, чтобы раздобыть перчатки, и терять часы сна для того, чтобы чинить их, когда они расползаются по швам. Когда становится невозможно есть на открытом воздухе, мы вынуждены делать это в бараке, стоя. Каждому будет выделен участок пола величиной с ладонь, потому что на нары опираться запрещено. На руках у всех появятся раны и язвы, и для того, чтобы получить бинт, нужно будет часами ждать каждый вечер, стоя (в обуви, которая всегда жмет и трет) в снегу и на холодном ветру".

[***1: Primo Levi, *Survival in Auschwitz* (trans. by Stuart Woolf, New York: Collier, 1961, первоначально опубликовано на английском языке под названием: *If This Is a Man*), стр. 112].

В эту первую ночь вы не можете спать. Ваше тело стонет от боли. Мозг отказывается работать. Ваша койка, на которую постелена какая-то циновка, мала даже для одного, а

вы лежите на ней вдвоем. Чьи это ноги продолжают стучать по моей голове? И перед вашими глазами все еще стоят те две шеренги. Что все это значило? Почему вас поставили в правую шеренгу, в то время как старики, больные и дети были отправлены в левую? Один врач, переживший Аушвиц, оставил следующие свидетельства:

"Тот, кто попадал в левую шеренгу, умерщвлялся в газовых камерах в течение часа после прибытия. (Если газовые камеры и топки крематория были переполнены, то его могли просто застрелить и сжечь на костре.) Меньше "везло" тому, кого выбирали в правую шеренгу. Он также был смертником, но с той лишь разницей, что в течение трех-четырех месяцев или того срока, который он мог протянуть до полного истощения, ему доводилось пережить все ужасы концлагеря. Он истекал кровью от тысяч ран. Его живот сводило от голода, его взгляд становился диким, и он стонал, как безумный. Он таскал свое изможденное тело по снегу до тех пор, пока силы окончательно не оставляли его. Специально обученные собаки кусали его похожее на скелет, почти безжизненное тело, и когда даже вши отказывались от его иссушенной плоти, тогда только час избавления - час желанной, освобождающей от страданий смерти - был уже близко. Кому же из этих людей - наших родителей, братьев и детей - "повезло" больше - тем, кто попадал в левую шеренгу, или тем, кто попадал направо?"

[***2: Mikios Nyiszli, Auschwitz. A Doctor's Eyewitness Account (trans. by Tibere Kremer and Richard Seaver, New York: Fawcett Crest, 1960), pp. 49-50].

Вас отправили в правую шеренгу, обрекая на медленную смерть. Всего через несколько часов настанет время подъема, когда вам придется вставать и дрожать с 3 до 7 часов утра, пока вас снова и снова пересчитывают. И затем - работать... в течение недель и месяцев, до тех пор, пока вы просто не сможете больше делать этого. Тогда настанет время вашего "омовения". Но вместо воды, омывающей ваше истощенное тело, ваши легкие наполнятся отравляющим газом, И через несколько часов ваши останки будут вознесены на небо через дымящие трубы фабрики смерти. В чем состоит ваше преступление? Вы - еврей.

И если бы вы могли прожить тысячу жизней, вы все равно никогда не смогли бы рассказать о том, что вы чувствовали в тот свой Сочельник (канун Рождества), когда вы, беспомощный и презираемый узник концлагеря, лежали там, слушая, как ваши тюремщики, эти жестокие, неумняемые преступники, распевают Рождественские гимны... Руки церкви запятнаны кровью.